

Он стиснул зубы, выдавливая слова одно за другим:

— А ты, Гу Шаобай, у тебя есть сердце?

Гу Шаобай горько усмехнулся, склонил голову, обнажая свою уязвимость:

— У Шаобая есть сердце, только не могу отдать его вам. Ибо однажды, когда это сердце рассыплется в грязь и будет вами растоптано в пыль, боль будет гораздо сильнее, чем сейчас...

Му Цинфэн с ненавистью в голосе спросил:

— Почему ты так уверен, что именно я окажусь тем, кто растопчет твоё сердце?

Гу Шаобай поднял глаза, покрытые влагой; в тусклом свете свечей они сияли, обладая странной и отчаянной красотой:

— Гу Шаобай не осмеливается рисковать... Ведь если проиграю, то потеряю всё...

Разве не так было в прошлой жизни? Проиграл всё до конца, чисто и полностью, остался ни с чем!

Время словно застыло в этом мгновении, тишина была подобна руинам.

Прошло много времени, прежде чем Му Цинфэн медленно поднялся и приблизился к лицу Гу Шаобая. Его взгляд был мрачен, как нож, словно он хотел разрезать его душу на кусочки.

Внезапно горячие губы коснулись его мягкого кончика уха, и Му Цинфэн прошептал очень тихо и нежно:

— Этот документ, возможно, спасёт семью Гу, но сможете ли вы спасти всех её членов? И каждый раз?

Он с усмешкой погладил его по лицу:

— Можешь попробовать снова притвориться Ли Фанем, Ван Фанем или Чжан Фанем, посмотришь, сможешь ли выменять ещё несколько талисманов спасения...

Гу Шаобай больше не ответил ни слова, но в его глазах читалась ясность и твёрдость.

В момент, когда дверь медленно закрывалась, всё ещё была видна его прямая спина, худая, как бамбук, излучающая жёсткость и решимость не отступить.

Му Цинфэн стоял у двери, взгляд пуст, сердце пусто, словно он посмотрел драму без начала и конца. Человек, который должен был быть жестокосердным, тоже иногда слишком глубоко погружается в игру.

Он шаг за шагом уходил, слыша, как сердце капает кровью, капля за каплей...

Жаркое лето подходило к концу, первый дождь после начала осени неспешно пришёл.

Гу Шаобай, подложив под голову звуки дождя, не спал всю ночь, напуганный последними словами Му Цинфэна. Он дрожал от испуга всю ночь и только когда дождь прекратился, смутно уснул, проспав прямо до обеда.

Только когда кто-то долго звал его у кровати, он открыл сонные глаза:

— Дядя Чжоу, разве мы не отправляемся завтра?

Чжоу Пин ответил:

— Князь велел позвать господина к себе в комнату.

Любящий поспать и недосыпающий, Гу Шаобай, словно на ватных ногах, зашёл в комнату Му Цинфэна, опустился на колени и поклонился:

— Приветствую князя.

— Вставай, — Му Цинфэн как раз обедал.

Гу Шаобай с трудом поднялся, мягкими ногами, и даже отряхнул землю с коленей.

— Третий господин, вчера вечером вы всё обдумали? — Му Цинфэн смотрел на его синяки под глазами.

Гу Шаобай хотел закатить глаза, но, закатив их наполовину, обнаружил, что тот пялится на него, поэтому этот жест немедленно превратился в странное томное выражение:

— Простолюдин... э... Шаобай всё понял.

— Мм? Понял что? — Му Цинфэн терпеливо слушал.

— Князь высоко стоит, а Шаобай — всего лишь муравей, как может он поколебать огромное дерево? Дело не в том, хочет ли Шаобай рисковать, а в том, что выбора нет... У князя руки, способные переворачивать облака и дождь, но семья Гу не является лодкой, плывущей по ветру и волнам. Если князь не презирает, Шаобай готов потрудиться как собака и лошадь.

Он говорил искренне, но Му Цинфэн не видел в его глазах ни капли правды. Какое там «трудиться как собака и лошадь», чистая чушь. Если бы за одну ночь можно было заточить железный прут в иглу, это было бы чудом.

Он слегка усмехнулся:

— Что значит «трудиться как собака и лошадь», включая... развлечение меня?

Гу Шаобай не изменился в лице, с улыбкой сказал:

— Конечно включая, притворяться собакой, притворяться лошастью, как угодно князю...

Му Цинфэн улыбнулся, не улыбаясь:

— Ты знаешь, что я не это имею в виду.

Гу Шаобай оглядел охранников слева и справа, на лице появилось удивление:

— Так какой же смысл имеет в виду князь?

Му Цинфэн небрежно сказал:

— Не нужно притворяться собакой или лошастью, достаточно притвориться Цзя Фанем!

К чёрту! Гу Шаобай в первый раз в жизни выругался, только про себя. Перед столом, полным красивых и вкусных блюд, его живот очень вовремя выразил недовольство.

Му Цинфэн приподнял подбородок:

— Садись, ешь.

Гу Шаобай обнаружил, что есть ещё одна пара палочек и чаша.

Он прижал голодный живот и сел, втайне поджав губы. Действительно лицо большое, напуск большой и поза большая. Глядя на этот стол разноцветных вкусных блюд, даже узоры чаш и тарелок были специальными изделиями, обожжёнными в императорских печах для императорского двора, это мгновенно заставляло эту маленькую гостиницу с белыми стенами, грубую и простую, казаться наполненной золотым сиянием и бесконечной славой.

Му Цинфэн взял шаомай, положил в рот и медленно пережёвывал.

Шаомай был немного далеко, Гу Шаобай нагло вытянул руку, чтобы взять его. Определенно с начинкой из свинины, он с удовольствием положил его в рот, но в следующую секунду, едва ощутив вкус, он вытянул шею и силой проглотил — баранина с зелёным луком!

Баранина, зелёный лук — две его самые ненавистные еды, оказались смешанными вместе!

Он поднял чай и выпил целых три чашки, только чтобы подавить желание рвоты. Если бы не сила воли, он бы прямо выплюнул всё в лицо человеку напротив.

Взяв палочки, он снова исследовал стол, полный разноцветных блюд, но когда реально стал искать цель, обнаружил, что из семи или восьми блюд ни одного он не может есть!

Хотя Гу Шаобай и любит поесть, но любит только любимое. С детства он привередлив, и его привередливость потрясающая. Например, чёрное не ест: чёрные бобы, чёрный кунжут, чёрные древесные грибы; красное не ест: морковь, красный перец, помидоры; зелёный лук, имбирь, чеснок, кинза с запахом не ест...

Ещё раз посмотрел на этот стол: холодные древесные грибы, тушёная морковь с бараниной, свиная ножка с чёрными бобами... И самое отвратительное — блюдо из помидоров, кинзы и жареного красного перца. Кто так готовит? В глазах Гу Шаобая это не стол с деликатесами, а котёл с мусором!

— Третий господин...

— Мм? — Гу Шаобай ответил, всегда чувствуя, когда тот произносит эти три слова, будто сдерживает что-то гнилое.

— Ты не доволен едой? — Му Цинфэн, доев корзинку шаомай, лениво спросил.

— Э... нет вроде...

Не то чтобы не доволен, а хочется перевернуть стол!

— Тогда почему ты не берёшь палочки? — Му Цинфэн прищурил глаза и посмотрел на него.

Обида на дне души Гу Шаобая могла заставить палочки стать беспокойными духами:

— Я не голоден...

— О? Ты завтрак тоже как будто не ел?

— Я... худею... — Гу Шаобай стиснул зубы. Он точно сделал это специально.

Му Цинфэн встал, взял платок, вытер руки, бросил на стол, словно наелся. Он улыбнулся худому и деревянному Гу Шаобаю:

— На самом деле, сейчас как раз. Если ещё похудеешь, буду впиваться мне костями...

Гу Шаобай растерялся. Ему хотелось сгореть со стыда.

Гу Шаобай прижимал пустой и урчащий живот, вернулся в комнату и в отчаянии хотел голодом довести себя до обморока. Он достал конфету из боярышника, посмотрел и положил обратно. Когда голоден, конфета только заставит слюну выделяться сильнее, чувство голода усилится! Пусть эта слюна поможет терпеть голод!

В результате, ещё не успел он довести себя до обморока, как снова попросили «потрудиться как собака и лошадь», сопровождая князя на прогулку для переваривания пищи.

Гу Шаобай молча следовал и вышел из задней двери гостиницы, чувствуя, что самое трагичное дело в мире — это гулять для переваривания пищи с пустым животом!

Му Цинфэн взял с собой только Лэн Дуна, одного охранника, оба сменили одежду на обычную.

В этом безымянном маленьком городке была только одна неширокая улица. Сразу после полудня по обеим сторонам улицы расставили всевозможные лотки, крики торговцев раздавались один за другим, не прекращаясь ушей. Изредка среди них встречались единичные лавки галантереи, которые на фоне шума казались ещё более унылыми.

Неожиданно, хотя городок и маленький, людей на улице было очень много, люди приходили и уходили, уже достигли степени, где плечи трутся и ступни наступают на пятки.

Лэн Дун разузнал и сообщил Му Цинфэну, что сегодня в городке раз в месяц ярмарка храма.

В радиусе десяти ли была только одна пагода, и она находилась в конце этой улицы. Каждый месяц в этот день, то есть в первый день месяца, старый настоятель пагоды проводил церемонию молитвы, поэтому в этот день добрые мужчины и верующие женщины со всех сторон съезжались сюда.

Многие мелкие торговцы, воспользовавшись возможностью, спонтанно сформировали ярмарку храма.

Мои дорогие, как вам сила этой главы? Считается ли это муками? Нужно ли ещё немного помучить князя?

<http://bllate.org/book/16730/1538810>